

Перед атакой. Под Плевной. Худ. Верещагин В.В. 1881 г.

УДК 327:32.019.51:355.01+355/359-05

Золотарёв В.А.

Национальная безопасность России в генетическом измерении (размышления¹)

Золотарёв Владимир Антонович, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса, председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и без вести пропавшим, Президент Международной академии наук о природе и обществе, академик-председатель Секции «Природа, общество и геомилитаризм» РАЕН, вице-президент РАЕН, генерал-майор запаса.

Статья представляет собой исторический подход к проблеме национальной безопасности России и посвящена генезису ее внешнеполитического курса в сфере разоружения и создание системы коллективной безопасности в Европе от Гаагской конференции до рубежа XX и XXI вв. во взаимосвязи с внутривнутриполитическими аспектами национальной безопасности, патриотического воспитания и военного строительства. Рассматривается место и роль военной доктрины, военного строительства и военной науки в системе национальной безопасности России. Изложены теоретические и практические рекомендации по урегулированию кризисов.

Ключевые слова: гаагские конвенции, гуманизация ведения войны, международное право, национальная безопасность, нравственный кодекс воинской службы, военная доктрина, военное строительство, патриотическое воспитание, конфликт, концепция безопасности.

¹ Эти размышления есть своего рода полемика на тему, ведь при полемике «небо не отвалится, реки будут течь, трава будет расти, а женщины рожать» (слова Мао Цзэдуна в памятный для нас день 23 февраля 1963 г. при вручении ему в Пекине письма ЦК КПСС ЦК КПК; из воспоминаний профессора АЕН РФ О.Б.Рахманина).

Благосостояние армии зависит от благосостояния народа.

П. А. Румянцев

При строгости надобна милость, иначе строгость – тиранство.

А. В. Суворов

Россия вновь перед выбором: либо научиться извлекать уроки из прошлого, либо вновь повторять его кровавые страницы¹. Это в первую очередь относится к проблеме Войны и Мира, к такой ее стороне, как безопасность.

Вот почему, реализуя современную концепцию национальной безопасности в духе российского менталитета, необходимо глубоко осмыслить важнейшие составляющие отечественной грандпарадигмы², сложившейся под реальным влиянием географических, исторических, социально-психологических и других условий. Здесь имеются в виду:

- азиатско-европейское географическое положение России;
- обширная (с планетарной точки зрения) территория государства;
- крупный минерально-сырьевой, энергетический и водный потенциал;
- многообразные климатические условия;
- существующие и потенциальные поливыходы в околоземное пространство и Космос;
- доступ к ледовитым, среднеширотным и теплым морям. Выходы в три океана;
- многообразие этнической совокупности народов РФ;
- мультирелигиозность народов, населяющих РФ;
- языковая разнообразность и доминанта русского языка;
- крайне неравномерная региональная плотность населения РФ и слабая развитость транспортной инфраструктуры;
- исторически сложившаяся в XX в. и не отвечающая потребностям страны количественная урбанизированность РФ;
- восприятие армии общественным сознанием как национальной спасительницы;
- органическая совокупность генетически образовавшихся культурных ценностей;
- гипертрофированная исторически традиция отрицания;
- слабо развитый принцип «презумпции невиновности» личности;
- традиции жесткой централизованности и др.

Безусловно, что эти условия (обстоятельства) могут меняться, но без их учета немислимо выработать цельную и эффективную концепцию национальной безопасности. При этом, думается, следует учитывать еще одну отечественную особенность: государственное устройство и его аппарат в контексте управления России (Советского Союза) практически всегда имели в высокой степени элитарный характер. С самого начала отечественной государственности правители распоряжались (управляли, руководили) страной при помощи класса служилых людей, вознаграждавшихся за службу свою не только чинами, деньгами (в свое время и землей, и недвижимостью), но и такими правами, которые не имело остальное население. Эта элитарная часть общества не подлежала налогообложению, телесным наказаниям, имела ряд существенных государственных прав и привилегий. В свое время они были закреплены Жалованной грамотой дворянству, изданной Екатериной Великой в 1785 г. И еще хотелось бы привести, пусть и небесспорное, но примечательное высказывание русского историка В.О.Ключевского «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс, но нигде в Европе, кажется, не найдется такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии».

Первая международная Гаагская конференция мира. Инициатором этой одной из первых в истории гуманистических конференций. Таким образом, наша страна предстала перед мировым сообществом, как лидер формирования нового для той эпохи мышления, как провозвестник идей мира, справедливости, гуманизации международных отношений. Правительство России предложило сформулировать и юридически оформить принципы гуманизации ведения войн, установить ответственность государств и государственных деятелей за нарушение этих положений.

Тогда державный Петербург призвал народы и государства избегать разрешения возникающих конфликтов военным путем, предложил морально-нравственный, гуманистический путь решения спорных проблем, потребовал юридически закрепить законы милосердия к жертвам военных действий, обеспечить права людей, пострадавших от ужасов войны.

Конференция состоялась в столице Голландии – Гааге – в период с 6 (18) мая по 17 (29) июля 1899 г. Голландское правительство предоставило в распоряжение ее участников небольшой замок XVII века в старинном парке Бош на северо-западе Гааги. Общие заседания 110 членов конференции от 27 стран (Великобритания, США, Германия, Россия Франция, Италия, скандинавские государства, Япония и др.) проходили в централь-

¹ Вспомним Штегемана, историка первой мировой войны 1914–1918 гг.: «Война разорвала все связи, существовавшие между народами, и спугала все человеческие отношения. Старая Европа была сожжена на костре; сложенным из городов, деревень и лесов Бельгии, Франции, Восточной Пруссии, Сербии, Польши, Галиции, Румынии и Северной Италии. Безмерное число людей пало жертвою, хлебные поля Востока и культурные углы Запада были растоптаны апокалипсическими всадниками». А Россия «вползала» в эту войну – корень множества трагедий XX столетия.

² Большого исторического примера.

ной Оранской зале. Картина, висевшая над входом, была символической, прославлявшей идею мира: конный воин вкладывает в ножны свой меч и торжественно закрывает двери храма Януса.

Созыву конференции предшествовали две циркулярные ноты российского правительства. В первой – формулировались идеи конференции: обеспечить народам прочный мир и положить предел развитию современных вооружений, во второй – предлагалась программа форума.

Первоначальный вариант проекта ноты российские дипломаты составили еще в марте 1898 г. После длительной проработки текста и выбора подходящего момента для обращения к державам циркуляр был вручен 21/24 августа 1898 г. представителям иностранных государств в Петербурге, а через три дня опубликован в «Правительственном вестнике».

Эта публикация вызвала громкий резонанс как в правящих верхах, так и в общественном мнении разных стран. Военный министр А.Н. Куропаткин, один из авторов замысла, отметил в дневнике двойственное впечатление, вызванное предложением России: народы отнеслись к нему восторженно, правительства – недоверчиво. Однако, несмотря на настороженное отношение, ни одна из держав открыто не рискнула отказаться от участия в конференции мира. К середине октября Петербург получил положительные ответы всех правительств на августовскую ноту.

Вскоре Министерством иностранных дел России была подготовлена записка о предмете занятий конференции. Она, наряду с другими документами легла в основу «Предварительного проекта программы занятий конференции о мире», который в конце ноября 1898 года был представлен Николаю II. Затем руководство МИД направило проект в министерства: военное, морское и финансовое для согласования позиций. Главы заинтересованных ведомств одобрили его основные положения, а в МИД был выработан окончательный вариант циркулярной ноты с программой конференции. Одобренная императором 30 декабря 1898 г., 1 января 1899 г. она была вручена представителям держав в Петербурге, а затем опубликована. После этого в ведомствах началось обсуждение специальных вопросов и выработка инструкций делегатам от этих ведомств на конференции, с которыми они и уехали в Гаагу.

Возможно, что позитивное отношение царя к мысли о мирной конференции отчасти было вызвано впечатлением от поднесенной ему в апреле 1898 г. книги крупного железнодорожного деятеля, банкира и ученого, действительного статского советника И.С. Блюха «Будущая война». В ней на большом фактическом материале доказывались разорительность для государств постоянно растущих расходов на вооружение¹.

По мнению российских дипломатов, сутью международного соглашения могло стать «замораживание» вооружений: державы обязывались не заменять применявшихся орудий войны на технически более совершенные.

Ядром соглашения должен был стать вопрос не о качестве вооружения, а о количестве войск или сумме, ежегодно ассигнуемой на их содержание. Такой подход, с точки зрения интересов самодержавной России, имел два положительных следствия: во-первых, при строгой отчетности, особенно конституционных стран, «соглашение легче всего было бы контролировать»; во-вторых, прогрессивное и пропорциональное сокращение количества войск было выгодно России ввиду численного превосходства ее армии.

На обсуждение выносились также вопросы международно-правового характера. Главным из них было соглашение о разрешении взаимных претензий между государствами не силой оружия, а третейским разбирательством, обращаться к которому государства обязывались лишь в случаях, не затрагивающих «их жизненные интересы»; выяснение же «степени важности того или другого международного спора принадлежало бы решению самих заинтересованных стран».

В целом главными побудительными причинами, определившими действия правящих кругов России по подготовке международной конференции мира, были:

- финансовая – экономия средств на перевооружение армии;
- политическая – создание стабильной и благоприятной международной обстановки;
- идеологическая – формирование образа самодержавной России как носительницы идей мира и справедливости;
- нравственная – попытка гуманизации войны.

В целом к концу XIX в. в общественном сознании сложились предпосылки для вынесения на международное обсуждение вопросов, связанных с проблемами войны и мира. По мере развития индустриального общества, делающего мир единым, усовершенствования технических средств, транспорта и связи, расширения международных сообщений и роста торговли, необходимости упрочения правовых гарантий личности и собственности изменялась и международно-правовая регламентация отношений. В международном праве начинало преобладать позитивное направление, уделявшее главное внимание систематизации норм и прецедентов. Для укрепления мирных начал в отношениях между народами создавались неправительственные организации, такие, как Институт международного права в 1873 г., Межпарламентский союз в 1889 г. Активное воздействие на внешнюю политику правительств начинало оказывать общественное мнение, получило распространение пацифистское движение.

В то же время с наступлением эпохи «вооруженного мира» – после франко-прусской войны и создания в центре Европы единого сильного германского государства – началась полоса острых дипломатических конфликтов, наращивание и усовершенствование вооружений, формирование союзов великих держав для борьбы за раздел и передел мира. Но становилось очевидным, что сложившаяся система международных связей препятствует развязыванию такой войны между двумя государствами, которая затрагивала бы интересы других держав. Имевшие

¹ Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. I–VI. Спб., 1898; АВПРИ. Ф. Канцелярия министра иностранных дел 1898. Д. 74. Л. 28–29; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 337–338.

место попытки разрешения конфликтных ситуаций мирными способами касались только второстепенных вопросов, не затрагивающих коренных интересов соперников. В отношении же к колониальным и полуколониальным странам принципы суверенитета и невмешательства грубо попирались, с ними заключались неравноправные договоры, широко распространялась практика занятия и аренды территорий. Для оправдания такой политики применялась концепция о «цивилизованных» нациях, и отношения с последними строились на иной правовой основе.

Обсуждение проблем мира и войны, вопросов третейского суда и консульского права, взаимоотношений между государствами в связи с этим приобретало особое значение¹.

Конференция начала работу 6(18) мая 1899 г. – в день рождения Николая II, что лишней раз подчеркивало престиж ее инициатора и, в его лице, – России. Председателем конференции был избран полномочный представитель России Стааль, который предложил проект программы конференции, причем большая часть ее была посвящена арбитражу, а меньшая разоружению, что произвело впечатление частичного отказа России от первоначального замысла.

Рис. 1. Российская делегация на Первой Гаагской конференции:

(сидят слева направо) полковник артиллерии граф Баранцев, президент 2-ой комиссии конференции Ф.Ф.Мартенс, русский посол в Лондоне Г.Г.Стааль, статский советник А.К.Базили², полковник Генерального штаба Я.Г.Жилинский³;

(стоят слева направо) 2-ой секретарь посольства России в Лондоне Н.А.Гурко-Ромейко, лейтенант флота И.А.Овчинников, шеф бюро императорского Министерства юстиции В.М.Гессен⁴, капитан 2-го ранга С.П.Шейн⁵, секретарь канцелярии министра иностранных дел барон фон М.Ф.Шиллинг, господин Н.А.Базили⁶, камер-юнкер М.Д.Приклонский

Дальнейшие заседания проходили в трех комиссиях: о сокращении вооружений, о законах войны, о посредничестве и третейском суде. Как и следовало ожидать разногласий в ходе работы избежать не удалось. По первому основному пункту программы – вопросу об ограничении вооружений – конференция не смогла принять положи-

¹ См.: Рыбаченок И.С. Россия и гаагская конференция по разоружению 1899 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 4.

² Юрист-международник, генеральный консул в Будапеште (1896), директор Азиатского департамента (1897), старший советник МИД (1900–1902). – *Прим. ред.*

³ В 1900 г. произведен в чин генерал-майора. С 22 февр. 1911 г. – начальник Генерального штаба, с 4 марта 1914 г. назначен командующим войсками Варшавского военного округа и Варшавским генерал-губернатором. 19 июля 1914 г. назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного Фронта. По итогам боёв в Восточной Пруссии 3 сент. 1914 г. снят с поста Главнокомандующего армиями и генерал-губернатора и переведен в распоряжение военного министра. В 1915–1916 гг. представлял русское командование в Союзном совете во Франции; осенью 1916 г. отозван в Россию. В 1918 г. расстрелян. – *Прим. ред.*

⁴ Выдающийся российский юрист, приват-доцент Петербургского университета, впоследствии – видный член кадетской партии, член 2-й Государственной думы от Петербургской губернии, один из редакторов еженедельника «Право». – *Прим. ред.*

⁵ С июня 1898 г. морской агент во Франции, с 6 дек. 1902 г. – капитан 1-го ранга «за отличие по службе». Участвовал в Цусимском походе и сражении в качестве начальника разведывательного отряда. Погиб в бою 15 мая 1905 г. – *Прим. ред.*

⁶ Сын А.К.Базили, 2-й секретарь российского посольства во Франции (1908), вице-директор канцелярии МИД (1912–1916), директор Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего (1916–1917), с апреля 1917 г. – советник российского посольства во Франции. Умер в эмиграции. – *Прим. ред.*

тельного решения. Внесенные Россией предложения были единогласно отклонены. По постановлению общего собрания участников конференции заседания проводились за закрытыми дверями, информации о них в газеты поступала весьма скудная. Тем не менее для участников конференции было очевидно, что, говоря словами полномочного делегата Германии Г.Мюнстера, «общественное мнение ждет от конференции результатов, хотя никто во всеобщее разоружение и не верит». Поэтому французский делегат Л.Буржуа предложил сформулировать в общих чертах ту цель, к которой должны направляться усилия цивилизованных народов. В итоге единогласно была принята следующая резолюция: «Комиссия полагает, что ограничение военных тяготей, которые ныне обременяют мир, крайне желательно в видах улучшения как материального, так и нравственного благосостояния человечества».

Гаагская конференция 1899 г. по итогам своей работы приняла три конвенции:

- «О мирном решении международных столкновений»;
- «О законах и обычаях сухопутной войны»;
- «О применении к морской войне начал Женевской конференции 1864 г. о раненых и больных»;

Были приняты также три декларации:

- «О запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов»;
- «О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы»;
- «О неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплюсывающихся в человеческом теле»¹ (дум-дум).

Особое значение в ряду принятых конференцией документов имеет конвенция «О мирном решении международных столкновений»².

Текст конвенции состоит из четырех разделов.

В I-м разделе «О сохранении всеобщего мира» выдвигается общее положение, гласящее, что «с целью предупредить возможность обращения к силе во взаимных отношениях между государствами, подписавшиеся державы соглашаются прилагать все свои усилия к тому, чтобы обеспечить мирное решение международных несогласий».

Во II-м разделе «О добрых услугах и посредничестве» выдвигается важное положение о том, что «Подписавшиеся державы соглашаются, в случае важного разногласия или столкновения, прежде чем прибегнуть к оружию, обращаться, насколько позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству одной из нескольких дружественных держав». Раскрывается сущность посредничества, права и обязанности посредников.

В III-м разделе «О международных следственных комиссиях» выдвигается предложение, в случае международных несогласий, сторонам, не достигшим соглашения дипломатическим путем, учреждать международную следственную комиссию. Цель этой комиссии – облегчать разрешения возникших несогласий, выяснять вопросы факта «посредством беспристрастного и добросовестного расследования». Устанавливается порядок учреждения следственных комиссий и их деятельности.

В IV-м разделе «О международном третейском суде» дается характеристика этого учреждения, его прав и подчеркивается, что «третейский суд признается подписавшимися державами самым действенным и вместе с тем самым справедливым средством решения споров, не улаженных дипломатическим путем». Вместе с тем война, как средство решения споров между государствами, не запрещалась. Хотя и делалась попытка призвать «по возможности» не прибегать к войне. Вопрос об ее исключении из практики международных отношений не стоял. Фактически в центр внимания была поставлена задача сделать войны менее «жестокими», более «терпимыми».

Конференция закрылась 17(29) июля 1899 г. Председатель Сталь в заключительном слове выразил надежду, что она послужит началом эпохи, когда международный мир будет охраняться не столько силой, сколько справедливостью.

Конференция, прежде всего, стала важным шагом в выработке кодекса поведения воюющих сторон. Она закрепила норму об объявлении войны, согласно которой военные действия между государствами не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения. На конференции сформулирован общий принцип, согласно которому воюющие стороны не пользуются неограниченным правом в выборе средств и методов нанесения вреда неприятелю. В том числе при осадах и бомбардировках воюющие стороны обязаны принимать все меры к тому, чтобы щадить, насколько возможно, здания, служащие целям науки, искусства и благотворительности, исторические памятники, госпитали и другие места, где собраны больные и раненые, при условии, что эти здания и места не служат одновременно военным целям и обозначены видными знаками.

В документах конференции впервые в договорном порядке в международном праве было закреплено понятие «вооруженные силы», которые состоял из регулярных и иррегулярных частей, и упорядочены вопросы партизанской войны. Было установлено, что оккупированная неприятелем территория – это дозволенный для партизан театр военных действий.

На конференции впервые сформулирован и юридически закреплён принцип гуманизации ведения войны. Установлена ответственность государств и отдельных лиц за нарушение их положений. На государства, подписавшие конвенции, возложено обязательство знакомить свои вооруженные силы с требованиями этих конвенций и информировать об их содержании все гражданское население.

¹ См.: Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. М., 1969–1978. Т. 5. С. 1811–1812; Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 332–333.

² См.: Международные отношения 1870–1917 гг. Сборник документов. М., 1994. С. 11–122.

Значение конференции в историческом плане состояло в том, что она впервые выявила в конце XIX века как возможность обсуждения проблемы разоружения в рамках мирового сообщества, так и сложность ее реализации на практике. Не решив ее основной задачи (сокращения вооружений и военных бюджетов) конференция однако выработала Гаагские конвенции – соглашения о законах и обычаях войны, основные из которых и ныне, в XXI веке, являются признанными большинством государств нормами международного права.

Нельзя не отметить и того, что конвенция 1899 г. явилась определенным примером и стимулом для проведения через восемь лет второй конференции мира, 1907 года тоже в Гааге.

Рис. 2. Заседание Второй Гаагской конференции 1907 г.

СССР признал гаагские конвенции, ратифицированные в свое время правительством дореволюционной России, в той мере, в какой они не противоречат Уставу ООН, с учетом изменений, внесенных последующими международными соглашениями с участием СССР. Эту позицию занимает и правопреемница Советского Союза – Российская Федерация.

Следует особо подчеркнуть, что конференция в международном масштабе подтвердила большую положительную традиционную роль именно России в деле гуманизации законов и обычаев войны. К числу предпринятых в этом направлении акций относятся: принятая еще в 1780 г. Декларация военного нейтралитета, основные положения которой были закреплены в Парижской декларации 1856 г. о морской войне; предложение на Брюссельской конференции 1874 г. установить перечень разрешенных средств ведения войны; инициатива по созыву данной конференции, а также второй Гаагской конференции мира 1907 г. и др. Можно с полным основанием утверждать, что почин в большинстве попыток, направленных к ограничению бедствий войны, исходит из России. «История попыток, совершенных Россией на благо всех народов, убеждает нас в том, что, с одной стороны, выяснения начал международного права входят в задачи русской национальной политики и что, с другой стороны, в конце концов провозглашенные Россией идеи завоевывают себе общее признание даже со стороны тех держав, которые первоначально выступали непримиримыми их врагами»¹. Современность с удивительной точностью подтверждает это мудрое утверждение.

Несмотря на свою объективную ограниченность, Гаагская конференция 1899 г. стала чрезвычайно важным событием, впервые на межгосударственном уровне поставив на рассмотрение представительного форума принципиально важную в общечеловеческом смысле проблему.

Следует подчеркнуть, что в течении минувшего столетия наша страна не раз шла в первых рядах борцов за правое дело, мир, гуманизм. В 30-е годы XX века СССР в Лиге Наций был горячим сторонником разоружения, выступал за создание системы коллективной безопасности в Европе. С началом германской агрессии против Советского Союза именно из Москвы прозвучали слова: «Наше дело правое, Победа будет за нами!». Этот лозунг стал паролем победы для народов, сражавшихся против фашизма.

Сто лет спустя после Гааги, на рубеже XX и XXI веков, когда на югославские города падали натовские бомбы и ракеты, Россия вновь призывала к прекращению варварских бомбардировок, принимает энергичные меры к прекращению военного конфликта, разрешению косовской проблемы политическими средствами. В канун начала XX века великий русский историк Василий Осипович Ключевский сказал: «Пролог XX века – пороховой завод. Эпилог – барак Красного Креста». Тогда, в 1899 г., Россия выступила против смертоносных изделий пороховых заводов. Прошло сто лет, и накануне XXI века гуманитарные конвои из России пошли в многострадальную Югославию. Красный Крест – символ милосердия, помощи жертвам войны – вновь оказался связанным с именем нашего Отечества.

В то же время, говоря о системе национальной безопасности России нельзя обойти вниманием генетические

¹ Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. СПб., 1879. С. 99.

особенности ее внутривластного аспекта. В советское время привилегии аппарата коммунистической партии и советского управленческого звена (на различных этапах) были закреплены решениями высшего партийного и государственного руководства. Чаще всего они скрывались от народа (общества) или объяснялись необходимостью и целесообразностью. Эти обстоятельства нашей истории нельзя не учитывать в условиях коренного реформирования России, они диктуют либо создание (постепенное) новой генерации руководителей, либо рациональную трансформацию указанной отечественной традиции и ее увязку с сегодняшним положением дел. Ибо оптимальное управление государством – один из основных элементов системы безопасности.

В основе механизма управления и обеспечения безопасности всегда лежала традиционно прочная связь между правительством и его аппаратом на всех ступенях власти. Существо вопроса здесь сводится к тому, что государство и управляющие им люди, обладая реальной экономической, юридической властью и правами, всегда имели возможность эффективно защищать свои привилегированные позиции. Так было в Российской империи, так было и в Советском Союзе, хотя и были различными (существенно) экономические базисы и их политические и идеологические надстройки. Вследствие этого интересы привилегированных слоев государства нередко отождествлялись с интересами страны, общества. Это, в свою очередь, деформировало осознание цели национальной безопасности – благополучие отдельной личности, общества, в целом Отечества. Отсюда вывод: превалирование одного объекта безопасности над другим в конечном итоге приводит к процессам деформированности и напряженности в государстве. Органическое сочетание жизненно важных интересов личности, общества и государства, обеспечение их защищенности – основное и необходимое условие благополучия России и ее безопасности. Безопасность тем надежнее, чем органичнее взаимопроникновение экономических, социальных, политических, военных и иных интересов общества, государства и личности. И, наоборот, их несовпадение ослабляет национальную безопасность. Этому учит история. Но не только этому.

Исторический подход к национальной безопасности России имеет большое значение и потому, что он позволяет целенаправленно совершенствовать концепцию общей и военной безопасности для Российской Федерации с максимальным учетом ее национальной специфики. Она складывалась столетиями и потому может быть понята только в более или менее значительном масштабе исторического времени.

Основополагающие идеи и положения концепции национальной безопасности на стадии их разработки нуждаются в экспертизе вообще и в военно-исторической в частности, дабы уберечься от повторения просчетов прошлого и аккумулировать все ценное, что хранится в запасниках отечественной и мировой военной истории и имеет непреходящее значение.

В связи с этим уместно напомнить мудрое высказывание русского военного теоретика и историка Г.А.Леера. Он отмечал: «Критическая военная история для военного является тем же, чем лаборатория для химика, обсерватория для астронома, полигон для артиллериста». Военно-историческая реальность – понятие исключительно емкое. Будучи фактами общей истории, военно-исторические факты в то же время генетически тесно связаны с социальной действительностью, определяются экономическими условиями и общественно-политическими целями, включают существенные элементы духовной жизни общества, его идеологии, науки, культуры и т.п. Как ни ограничена информация, которую можно почерпнуть из порой скудных сведений, сообщаемых источниками прошлого о военных и связанных с ними событиях, она при определенном подходе может дать важный материал для более полной и многогранной оценки состояния данного общества, функционирования его институтов. Давно подмечено: в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества.

Говоря о безопасности, заметим: термин «национальная безопасность» впервые употреблен в американских работах по политологии вскоре после Второй мировой войны. Им охватываются (в американском понимании) проблемы экономической, внешней и военной политики, от решения которых зависит защита и реализация национальных интересов внутри и внегосударственном геополитическом пространстве¹. Но смысл и содержание этого понятия отнюдь не новы. С образованием Российского государства это понятие воспринималось как определенная система гарантий территориальной целостности, суверенитета и всех других национальных интересов, основывающихся на силовых средствах политики. История Руси, Российской империи, СССР знала столько различных военных опасностей, что достаточно быстро складывалось представление о слагаемых системы гарантий безопасности: внешнеполитических, внутривластных, экономических, социальных, военных, духовных и некоторых иных.

При этом характерно: в системе безопасности на всем протяжении российской государственной истории военные гарантии доминировали, но проявлялись они различно. В эпоху империи было стремление искать решение проблем национальной безопасности в расширении границ, содержании армии, которая по численности и вооружению опережала другие и прежде всего соседние государства. Полагалось безусловным, что отдаленные передовые рубежи обороны границ обеспечивают и более надежную безопасность. Со временем это превратилось в аксиому. Отсутствие естественных преград характерно для России. Поэтому главной преградой становился выигрыш пространства для того, чтобы встретить противника как можно дальше от жизненно важных районов.

Ослабление опасности и усиление гарантий безопасности достигалось также посредством поиска союзников.

¹ Представляется аксиоматичным постоянно помнить о существовании ядерного и иного сверхразрушительного оружия. Потенциальная опасность, объявленная миру в декабре 1953 г. Д. Эйзенхауэром в его обращении в ООН и Г.М.Маленковым, опубликованном 13 марта 1954 г. в газете «Правда», явственно предостерегает о том, что новая война будет чревата такими разрушениями, которые при нынешних средствах ведения войны будут означать «уничтожение мировой цивилизации».

России почти всегда удавалось избегать военно-политической изоляции. Другое дело, что союзники не всегда были надежными и за союз иногда приходилось слишком дорого платить: например, в 1814, в 1915 г. за спасение Франции во время германского наступления на Париж. То же можно вспомнить и об Англии в 1805–1808 гг.

Но одиночество, международная изоляция по различным причинам, как свидетельствует опыт, обходится еще дороже. Военно-политическое положение СССР вплоть до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. было одним из наиболее уязвимых мест в системе его безопасности, одной из причин крупных неудач в начале войны и той непомерно большой цены, которую народ и армия заплатили за победу в этой войне.

Вопрос о союзниках¹ стал особо острым в связи с самороспуском Варшавского договора как политической и военной организации. Последовавший затем распад СССР существенно изменил постановку и решение вопроса о союзниках, ибо в России создалась качественно новая геополитическая и стратегическая обстановка. К этому добавились трудности с реализацией договоров по разоружению².

Еще один урок, который оставила нам в наследство военная история России, относится к социально-политической области национальной безопасности. Теоретически считается, что демократическое устройство государства имеет в области безопасности значительное преимущество по сравнению с авторитарным или тоталитарным политическим режимом. Историческая практика нередко это подтверждает. Так, в России второй четверти XIX столетия, значительно отставшей от других европейских стран в социально-экономических и демократических преобразованиях, сложилась обстановка, которая не замедлила сказаться на ее военных поражениях в Крымской войне 1853–1856 гг. С другой стороны для России как раз было характерно патерналистское строение отношений в армии (помещик – офицер, крестьянин – солдат.) Эта особенность придавала моральную крепость войскам («слуга – царю, отец – солдатам»). На этом строилось воспитание в армиях П.А.Румянцева и А.В.Суворова, что обеспечивало успех. В период той же Крымской (Восточной) войны армия А.П.Ермолова на Кавказе одерживала победы (Румянцевская школа).

А сегодня наша армия президентская.

Семантика тоталитарного государства диктует элитарность вооруженных сил и русская армия была корпоративным институтом, живущим своей внутренней жизнью, отделенной от общества прочной стеной.

Такая опасность для армии, флота и всей национальной безопасности, оторванность от гражданского общества стала осознаваться лишь в начале этого века, особенно после тяжелого поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг.³ Этому, в частности, способствовало некоторое развитие либерально-демократических начал в жизни общества (появления Земств, Думы, политических партий, неправительственной прессы и т.д.). Тогда же усилилась критика оторванности русской армии от общества. Об этом с горечью писал генерал-лейтенант Михаил Владимирович Грулёв⁴ в книге «Злобы дня в жизни армии» (1911 г.): «Когда в общей печати, – отмечал он, – раздаётся предостерегающий оклик о тех или иных обнаруженных недочетах в нашем военном ведомстве, сейчас же из среды нашего офицерства выступают самозванные ратоборцы, готовые кричать «караул» за это неуместное, по их мнению, вторжение в чужую область военного дела. Эти близорукие и фанатичные приверженцы отмирающих взглядов, берущие на себя роль печальников нашей армии, ополчаются против всякой живой мысли, имеющей целью раскрыть и уврачевать наши застарелые недуги. По ограниченности своего умственного кругозора они не постигают, насколько изменилась кругом обстановка в мирной жизни и в боевой подготовке. Армия обязана внимательно прислушиваться к этому голосу страны, – заключает, – а не отвечать на него напускным негодованием».

Пример из истории Советского государства говорит и о другом. При известной авторитарности политической системы СССР накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. связь общества и Красной Армии была исключительно органичной. Армия не была оторвана от народа, а жила той же жизнью, что и народ. Это обстоятельство в годы ожесточенной борьбы с агрессором вошло в число решающих факторов победы над фашизмом.

Поучителен опыт России и в духовно-нравственном обеспечении⁵ национальной безопасности, который необходимо учитывать в строительстве новой российской армии в условиях глубокой деформации системы ценностей в обществе и армии. Что-то в ней девальвируется, что-то преобразуется, что-то возникает вновь. Образовавшийся духовный вакуум, естественно, нуждается в заполнении. Как и тут не обратиться к наследию прошлого – к истокам. За многовековую историю русской армии и флота усилиями их лучших представителей был выработан нравственный кодекс воинской службы, который заключал в себе высокий престиж профессии защитника Отечества; гуманистическое отношение к воину; в нем превыше всего почиталась воинская честь и достоинство личности офицера. Однако положения этого кодекса во многом не соблюдались официальными политическими и военными кругами. Монархическая политическая система ограничивала реализацию гуманистиче-

¹ Главные (исторически) из них (Англия, Франция, США, Германия) всегда стремились использовать Россию как основной кровопролитный фронт.

² Попутно заметим, что они во многом связаны с конфликтами, которые могут возникнуть в Атлантическом сообществе (как считает американская стратегическая мысль) из-за усиления научного и технологического превосходства отдельных стран, а также с усилиями по поддержанию превосходства в военной области.

³ «Русский солдат – нетронутый родник высоких природных качеств. Поднимите его культурный уровень, дайте надлежащее направление его мысли и равному ему не будет в мире, несмотря на отсутствие в его натуре воинственного духа» (Табурно И. Правда о войне. СПб. 1905. С. 232.)

⁴ Боевой офицер и военный писатель. Широко образованный человек. Командир II пехотного Псковского полка в русско-японскую войну 1904–1905 гг. В последующем начальник штаба Брест-Литовской крепости. С 1912 г. в отставке. Жил и умер во Франции.

⁵ С неперенным анализом и учетом деятельности церкви на Руси, в России и СССР.

ских требований нравственного кодекса воинской службы в отношении основной массы армии и флота. Официальный идеал российской армии¹ был триединым – «За Веру, Царя и Отечество!»

В советское время на воинских знаменах было начертано: «За нашу Советскую Родину!» Под ними сражалась и победила Красная Армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. против фашистской Германии. Нравственный идеал воинов Красной Армии включал в себя осознанную ответственность по защите социалистического Отечества, верность присяге, убежденность в построении нового, социально-справедливого общества, веру в историческое предназначение народов Советского Союза, в национальную идею, в необходимость укрепления оборонной мощи страны, Вооруженных Сил, повышения морально-политических и профессиональных качеств воинов армии и флота.

Каковы же духовные идеалы, которые могут вдохновить гражданина и воина сегодняшней и завтрашней России? Что за духовно-нравственный выбор можно предложить современному защитнику так сложно и глубоко преобразующегося Отечества?

Идея служения Отечеству, но как демократическому социально-справедливому обществу, обеспечивающему своим гражданам достойное существование должна лежать в основе нравственного кодекса Российской армии. Идея служения национальным интересам, национальной идее, лишенной, разумеется, различного рода и свойств националистических искажений – первейшее требование нового воинского кодекса. Другие его слагаемые элементы, переосмысленные из исторического прошлого нашей страны, могут найти ответ на вопрос – «чем заполнить нравственно-духовный вакуум?»

При всей аксиоматичной важности национально-этнических, социально-политических, экономических, внешнеполитических, духовно-нравственных и других факторов, национальная безопасность Отечества немыслима без армии и флота, способных выполнить свое историческое предназначение².

Россия, СССР накопили богатейший опыт разрешения огромного комплекса вопросов строительства отечественных вооруженных сил. Этот бесценный опыт нуждается в тщательнейшем изучении и учете для решения насущных сегодняшних задач. Это вопросы комплектования и организации структуры войск, их дислокации и управления ими, подбора и воспитания кадров и боевой подготовки войск, оборудования ТВД и др. Думается, следует подчеркнуть, что мы ведем речь в первую очередь о военной стороне дела. Но на самых передних планах и аспекты экономические, внешнеполитические, этнонациональные, экологические, демографические, ресурсные и др.

Главнейший урок, извлеченный из отечественной военной истории в интересах обеспечения военной безопасности РФ, гласит: наиболее рациональным и испытанным способом приведения отставшей в своем развитии армии в соответствие с велением времени является военная реформа; и чем значительнее это отставание, тем глубже, радикальнее ей надлежит быть.

История отечественной армии³ отмечена многими военными реформами⁴, но три из них были особенно глубокими.

Первая – петровская реформа, положившая начало постоянной регулярной русской армии (менялся строй, менялись и вооруженные силы).

Вторая – реформа, осуществленная в первые годы советской власти в результате которой была создана Красная армия.

Третья реформа – современная военная реформа. Во всех названных случаях речь идет не об обычной рядовой реформе, а о глубокой трансформации всей военной системы общества, когда коренным качественным изменениям подвергаются не только собственно военные параметры этой системы, но и ее социально-политические и духовные характеристики.

События последнего времени до крайности обострили проблему военной реформы в стране. В который уже раз дорогой ценой мы вновь убеждаемся в том, что сила армии зависит не только от ее размеров, но еще в большей мере от уровня морального духа войск, профессионализма воинов, искусства руководства, качества вооружения. Теперь уже сама жизнь вынуждает перейти от многочисленных дискуссий по поводу концепций, от полумер и робких шагов к решительным и эффективным практическим действиям. Их результативность будет предопределяться помимо политической воли научной обоснованностью концепции военной реформы и всесторонним учетом богатейшего отечественного опыта.

Глубокая и всеобъемлющая военная реформа начинается с ясного определения ее военно-политических и

¹ Увековеченный на полковых знаменах.

² Работы военных историков, посвященные как России, так и странам Запада и Востока, убедительно доказали важность изучения вооруженных сил в системе общественных отношений, существовавших в тех или иных странах. Думается, правомерен вывод: изучать исторические корни, генезис проблем национальной безопасности невозможно без глубокого научного раскрытия сопутствующих каждому историческому периоду военных событий, рассмотрении их в органической связи и взаимообусловленности с общественными отношениями. Важный вклад в этом направлении вносят и такие периодические журналы, как журналы «Военно-исторический», «Военная мысль» и др.

³ В широком смысле этого понятия.

⁴ Русский военный деятель, теоретик и историк генерал А.З.Мышлаевский писал в своих очерках из истории военного дела в России: «...Многое кажущееся позаимствованное с Запада является в действительности старорусскою формою, лишь прикрытой иноземною номенклатурой». (См.: Офицерский вопрос в XVII в. // Военный сборник. СПб. 1899. № 5. С. 35). Думается, что во многом эта мысль аксиоматична для разных периодов истории нашего Отечества.

стратегических задач, которые диктуются коренными изменениями в мировой и региональной военно-политической обстановке, с приведения ее в соответствие с новыми реалиями военной доктрины. В этих условиях кардинальные преобразования призваны предусматривать, во-первых, оборону страны собственными национальными силами в пределах российских государственных границ. Во-вторых – лидирующую роль России в обеспечении коллективной безопасности в пределах геополитического пространства СНГ на многосторонней и двусторонней основе. В-третьих, они должны быть направлены на укрепление взаимного доверия и развития сотрудничества со странами-членами НАТО в противовес идее расширения состава этого блока в ущерб интересам России, на взаимодействие со странами ОБСЕ, СЕ и в рамках ООН.

Ключевой проблемой военной реформы¹ является осмысление того, что из опыта и уроков прошлого остается с нами, а что мешает движению вперед; эффективная реорганизация существующих Вооруженных Сил; разумное сокращение их численности и глубокие структурные преобразования; обновление материально-технической базы на перспективной основе; максимально возможное бережное отношение к конкретным людям и забота о них.

Реорганизация Вооруженных Сил призвана обеспечить сдерживание потенциального агрессора, отражение его возможного нападения и нанесение ответных ударов, эффективное ослабление военно-экономического потенциала противника и принуждение его к прекращению боевых действий.

Жизненно необходимо стимулировать интеграционные процессы в пределах территорий СНГ в интересах коллективной обороны – вплоть до создания объединенных вооруженных сил на двусторонней и многосторонней основе, восстановить единую систему ПВО и предупреждения о ракетном нападении, расширить практику создания военных баз России на территориях заинтересованных в этом стран СНГ.

Наиболее болезненно, как известно, решается проблема реформирования системы комплектования Вооруженных Сил, в основу которой сейчас положен смешанный принцип сочетания воинской обязанности и добровольной контрактной службы.

Военная реформа, безусловно, повлечет за собой и перестройку порядка мобилизационного развертывания Вооруженных Сил.

Важнейшим слагаемым военной реформы является проблема воспитания, духовная и морально-психологическая закалка личного состава российских армии и флота. Обнадёживает то, что духовно-нравственные ориентиры, которыми следует руководствоваться специально созданным органам по воспитательной работе с личным составом, не нужно придумывать заново. Речь, в частности, идет о простых нормах воинской службы: чести, долге, достоинстве, мужестве, товариществе, любви к Отечеству. Сейчас необходимо освободиться от псевдоидеалов и утопизма, возродить идею патриотического служения Родине, национальное достоинство и гордость за Россию.

В соответствии с новой военной доктриной реформируется также и военно-техническая политика. Предстоит постепенно снять с вооружения устаревшие боевые и обеспечивающие средства. Вместе с тем важно форсировать разработку и внедрение перспективных технологий и боевых систем, включая высокоточное оружие, разведывательно-ударные комплексы и оружие, использующее новые физические принципы. Перестройка военной экономики должна быть направлена на установление действительно необходимых объемов военного производства на основе реальных потребностей Вооруженных Сил, воссоздание автономного российского военно-промышленного комплекса в рациональных размерах и оптимальной структуре².

Вместе с тем необходимо осуществлять конверсию таким образом, чтобы она была тесно связана с разработкой двойных технологий и оперативным внедрением ВПК в гражданские сферы производства. При этом конверсия отечественной военной промышленности предполагает расширение продажи оружия за рубеж на коммерческой основе и полный отказ от поставок оружия на идеологической основе и от безвозмездной военной помощи.

Реформирование Вооруженных Сил и всей оборонной системы, в столь сложной ситуации в стране и во всем мире, требует максимально взвешенного и научно обоснованного подхода.

Петром I создавалась армия и военная организация военно-феодальной империи. Советская власть создала армию и военную организацию в интересах народа и из народа, для защиты общества, в котором закладывалась необходимость осуществлять принципы социализма. Ныне речь идет о трансформации военной системы советского образца в военную систему демократического правового государства с достаточно развитым гражданским обществом³. Эта историческая картина говорит о многом: в опыте и петровской трансформации, и коренных преобразований военной системы в СССР, можно почерпнуть немало из того, что может быть воспринято или, наоборот, отвергнуто в процессе нынешней военной трансформации. Насколько бережно должны быть сохранены лучшие национальные традиции, настолько решительным должен быть разрыв с имперскими пережитками.

Существенный вред армии и большие материальные издержки стране всегда наносили незавершенные или слишком затянутые по времени военные реформы. Но ничто так пагубно не сказывается на состоянии армии как «невостребованные» реформы, то есть те, что объективно назрели, но по тем или иным причинам оказались отложенными. Анализ исторических событий показывает – основные предпо-

¹ Важное значение имеет современное определение таких понятий, как «Вооруженные Силы», «Армия и флот», «Виды вооруженных сил». «Характер возможной войны, формы и способы ее ведения».

² Как ни «режет глаз», но так и напрашивается древняя как мир поговорка «скупой платит дважды».

³ Но это желаемая перспектива. Вероятнее всего речь сейчас должна идти об армии (вооруженных силах) переходного периода.

сылки военной реформы Вооруженных Сил СССР сложились еще в начале 1960-х гг.

В США тогда началась структурная военная реформа, инициатором которой был американский министр обороны Роберт Макнамара¹.

Наши же действия были паллиативными, полумерами. Сама же методика Р.Макнамары нам не подходит, либо подходит частично.

Американский опыт – это, в основном, война на море и в воздухе вне своей национальной территории.

Из неисчерпаемого источника отечественной военной истории можно почерпнуть немало ценных идей, примеров и рецептов в решении по существу всех конкретных проблем военного строительства, в том числе и такой остроактуальной для преобразующейся армии России, как кадровой.

*Генрих Антонович Леер
(1829–1904)
русский военный деятель,
генерал от инфантерии*

«Все общие формулы стратегии, – пояснял, к примеру, генерал Г.А.Леер, автор знаменитых в свое время «12-ти принципов», – получают смысл и содержание только при обширных сведениях из военной истории. Без больших сведений из военной истории они обращаются в бессодержательные общие места, ничего не говорящие уму и сердцу...» По сути двенадцать принципов представляют не что иное, как общие рекомендации:

«Принцип крайнего напряжения сил в начале войны»;

«Принцип одновременности действий»;

«Принцип экономии сил»;

«Принцип сосредоточения сил на решительном пункте»;

«Бить неприятеля в самую чувствительную точку.

Главный объект – неприятельская армия»;

«Принцип внезапности»;

«Внутренняя целостность, единство в действиях как высокий идеал в стратегии и тактике»;

«Важность подготовки удара»;

«Значение победы в энергетической ее эксплуатации»;

«Принцип безопасности операции»;

«Принцип инициативы (почина), господства над волей и умом противника»;

«Стремиться к тому, чтобы быть сильным в том, в чем противник слаб».

Нетрудно заметить, что это аксиомы, очевидные истины. Следовательно, в теории эти принципы действительно в первооснове неизменны, но на практике дело условно обстоит иначе. Практически любое военное событие развивается под влиянием целого ряда принципов, причем требования последних часто сталкиваются между собой. Военачальнику в зависимости от условий обстановки в каждом отдельном случае приходится решать, каким принципам принадлежит господствующая роль и каким – подчиненная. Первые применяются в полной мере, а вторые лишь настолько, насколько это допускается главными.

Стоит также прислушаться к дельному совету генерала от инфантерии Аркадия Платоновича Скугаревского², занимавшего в начале XX в. пост члена Военного совета и председателя Комитета Российской армии по образованию войск. Размышляя о несходстве качеств военачальника для мирного и военного времени он заметил: «В мирное время требуется от начальника покладистость с начальством, а в военное время – сопротивляемость врагу. В мирное время затирают «сопротивляющихся» и выдвигают людей более покладистых, а они и на войне оказываются покладистыми... в отношении неприятеля».

Военно-морской министр И.А.Шестаков³ считал праздником тот день, когда ему удавалось найти среди морских офицеров талантливого человека; он вел им особый учет. Но позже на флоте ввели ценз, согласно которому и талантливые, и бесталантные люди оценивались только числом лет плавания, точнее, даже не плавания, а состояния в плавании.

К слову сказать, по справедливому заключению генерала А.П.Скугаревского, это стало одной из при-

¹ Кроме серьезного комплекса идей, новаций Р.Макнамара внедрил механизм интеллектуального штаба (аппарата) крупного государственного руководителя. Влиятельный и одаренный представитель делового мира США в области финансов, он применил методы анализа затрат к извечной проблеме американской стратегии – как сохранить военную мощь США на мировом уровне без дорогостоящих и многочисленных вооруженных сил. Впервые эти методы были применены британцами во второй мировой войне под наименованием «исследование операций» (в американской транскрипции в последующем – «системный анализ»). Вопрос о приобретении оружия по Макнамаре получил новое наполнение. Разрешаемый на основе эффективности затрат, он стал главным фактором, влияющим на стратегию, а не наоборот, как было фактически на протяжении большей части военной истории.

² Командир 145-го новочеркасского полка, начальник штаба гвардейского корпуса, командир 27 пехотной дивизии. В конце русско-японской войны 1904–1905 гг. – командир 8 армейского корпуса.

³ Адмирал, с 1882 г. управляющий Морским министерством.

чин гибели русского флота в войне с Японией. Ведя речь о русско-японской войне 1904–1905 гг. так и напрашивается вывод: Россия (в отличие от Японии) не располагала единой военной доктриной.

Не было главного – единства мысли в области поставленной государством задачи. Одна часть российского общества полагала нужным достижение теплых океанских вод (исторически возбраненных нам в районах Средиземного моря, либо Персидского залива).

Другая часть нашего общества в дальневосточных задачах видела лишь авантюру. Младшее поколение солдат и матросов сражалось отменно, не «проржавевшее» нытьем, критиканством, опасениями и сомнениями, этой, по образному выражению А.Е.Снесарева «вечной могилой для победных сражений». Прибывшее позднее другое поколение привнесло с собой абсолютно иной социопсихологический уклад и стало серьезным тормозом на полях баталий.

Глубоко примечательна мысль Николая Аполлоновича Морозова¹ в публикации 1909 г. «Воспитание генералов и офицеров на основе побед и поражений»: «Горе той армии, – с горечью пишет он, – где карьеризм и эгоизм безнаказанно царят среди вождей, где большинство генералов думают лишь о своем благополучии, служат из-за наград и отличий, ведут лишь свою линию... Пусть пишутся хорошие и громкие приказы, издаются отличные уставы, выпускаются чудные циркуляры! Все будет там отлично и гладко лишь до первого грома. Грянет гром, и армия окажется только с хорошими канцеляристами, проповедниками и т.д., но без настоящих военных людей, готовых беззаветно жертвовать собой друг за друга для блага Родины!».

Необходимо в полную силу подключить исторические источники, поставить их на службу защиты национальных интересов Отечества. В этом главная задача и военно-исторической науки.

Национальная безопасность России должна иметь единую концепцию. В основе ее ясное очертание национальных интересов и национальных целей; единство государственных задач и государственных возможностей.

Единая концепция национальной безопасности органически базируется на отечественном историческом опыте.

В теоретическую часть такой концепции должны входить конечные выводы целого комплекса наук, последние итоги военной истории, внешней и внутренней политики.

Некоторые вопросы дальнейшей разработки концепции национальной безопасности и ее реализации в практической политике.

1. Принципиальным условием живучести и актуальности, научности и действенности концепции национальной безопасности является ее высокая динамичность. Устойчивое сочетание коренных, основополагающих положений стратегического плана с проблемами текущего, ближнесрочного, среднесрочного значения – важные параметры такой концепции.

После того, как созданы (заложены) основы концепции, которые могут сохраняться ряд лет, дальнейшее совершенствование концепции потребует их корректировки и одновременно существенных изменений прикладных положений и установок. Такая непрерывная работа особенно необходима в условиях переходной, неустойчивой ситуации.

Представляется целесообразной разработка ежегодного документа, которому желательно придать легитимную силу. Это может быть, например, директива Президента как руководителя Совета Безопасности, скрепляемая подписью ее председателя. Установки такой директивы приобретут нормативный характер и станут обязательными для всех ответственных учреждений и лиц, призванных обеспечивать национальную безопасность. Основные положения такой директивы, для усиления их нормативной силы, могут включаться в ежегодные послания Президента Федеральному Собранию.

Для ведения непрерывной работы по корректировке концепции необходимо иметь постоянную группу при Совете Безопасности, обязанностью которой будет сбор и переработка всей необходимой информации, аналитических материалов, которые на договорной (или какой-то иной) основе будут поступать из научно-исследовательских, аналитических центров страны и от отдельных специалистов-исследователей. На основе созданного таким образом банка данных появится возможность проводить эффективные компьютерные игры или оперативное исследование ситуаций при принятии каждого ответственного решения, касающегося национальной безопасности страны.

Демократия не была придумана ни в Греции, ни Старым и Новым Светом, ни какими-либо историческими личностями. Это нормальный, стихийно возникший строй рода человеческого в первые десятки тысяч лет своего развития на нашей Планете. И только неолитическая «мутация» – явление и политическое, и морфологическое – родила целую гамму всевозможных политических режимов. Процесс возрождения демократии в Европе (после древнего мира) – это XVI–XIX вв. Сейчас можно уверенно сказать, что за кратковременным (с оговорками) исключением времен Наполеона Бонапарта и Адольфа Гитлера, Европа политически никогда не была объединена. Европа всегда оставалась многополярной. В этой связи необходимо подчеркнуть, что наше Отечество, простирающееся на солидном евроазиатском пространстве, имеет свои существенные особенности, диктующие порой очень своеобразную в цивилизованном смысле многослож-

¹ Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1899), академию Генерального штаба (1905). Старший адъютант управления 1-й Отдельной Кавказской бригады (1905–1908), помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, старший адъютант штаба 45 пехотной дивизии, штаб-офицер для поручения штаба 1-го Кавказского корпуса.

ную специфику решения проблем безопасности. Поиски оптимальных решений этих проблем, вероятно, связаны с разумным сочетанием местного самоуправления и сильной центральной власти.

5. Помимо практически-политических существуют и «чисто» научные проблемы, решение которых оптимизирует поиск решения проблем безопасности в практической и политической областях.

Переход мирового сообщества от биполярного к многополярному миру, исчезновение бывшего антагонизма систем разбило состояние глобального конфликта на множество составляющих: региональных, национально-территориальных, религиозных, этнических, конъюнктурных и других. Это привело к образованию новых точек высокой напряженности (в том числе и на территории Российской Федерации), готовых в любой момент перерасти в широкомасштабный вооруженный конфликт.

Общеплановое состояние относительного покоя настолько эфемерно и призрачно, что любое, даже малозаметное, возмущение как никогда неоднородной социально-политической среды может привести к необратимым и труднопредсказуемым последствиям прежде всего в военной сфере. Из этого выступает необходимость глубокого научного осмысления подобного рода проблем и активного поиска конструктивных и эффективных путей их решения в настоящем и будущем.

Происходящий ныне коренной пересмотр методологических основ общественных наук, в том числе военной истории и военной теории, отказ от догматического восприятия традиционного в прошлом марксистско-ленинского учения о войне и армии образовали методологический вакуум, требующий заполнения. Представляется, что эту роль может выполнить широкая по мировым стандартам наука о войне, которую в мировом политологическом лексиконе именуют либо полемологией (от лат. *polemos* – война)¹, либо военной теорией, либо учением о войне. Право на российское ее гражданство признавали и академики РАЕН А.А. Данилевич и Б.М. Каневский. Но дело не в термине, а в сути возникшей проблемы.

А суть ее состоит, во-первых, в том, чтобы найти достойную замену выполнившему свою историческую роль учению о войне и армии, хотя многие его положения и не утратили своего научного значения; во-вторых, в изучении военных явлений и процессов, что необходимо для обеспечения безопасности, следует изучать не только войну и армию, но геополитические, социокультурологические, социально-психологические, естественнонаучные и другие грани военной сферы общественной жизни.

Первым шагом на этом пути могло бы стать создание научной организации, призванной разрабатывать фундаментальные и прикладные проблемы войны в историко-генетическом ключе. Для этого имеется необходимый научный потенциал: надежная теоретическая база в области военной истории и теории, военной политики, геополитики и безопасности и высококвалифицированные специалисты в сфере военной истории, философии, политологии и других областях знаний. Полученные в последнее время результаты можно рассматривать как начальные, конструктивные, но и самодостаточные для складывания и дальнейшего развития новой науки о войне, образование которой позволит получить существенные научные результаты в близкой перспективе.

Другим шагом может быть повышение качественного уровня исследований всего многообразия войн и военных конфликтов как в исторической ретроспективе, так и в перспективе, сосредоточение межвидовых (межотраслевых) усилий с привлечением методов и элементов социологии, демографии, математики, ноофизики, ноокосмологии и других наук на комплексном междисциплинарном изучении войн, конфликтов и других форм коллективной агрессивности.

В свою очередь комплексные междисциплинарные исследования дадут возможность построения моделей более устойчивых состояний многополярных политических систем (от государства, региона, группы государств до цивилизации в целом), а также определение средств и условий безопасного и мирного развития страны и всего мирового сообщества.

Еще одним шагом является теоретическая разработка и практическое создание современной системы патриотического (военно-патриотического) воспитания населения России и прежде всего молодежи. В этой области в последние годы появились большие недостатки, проявились вялость и аморфность политики государства, что уже привело к местному (региональному) эгоизму, к ослаблению государственности и даже возникновению опасности распада государства. Синтез опыта прошлого и современных знаний позволили бы в короткий срок выйти на поиск оптимального решения этой одной из ключевых для России проблем.

6. Несомненно, историческое измерение необходимо для учета и анализа, лучшего понимания возможных вооруженных конфликтов, войн и военного строительства. На эту мысль наводит громадный опыт военной истории, свидетельствующий о том, что вооруженное насилие (военизация) применялась в условиях, которые складывались в различных типах цивилизации. Более того, следует подчеркнуть, известны и возможны войны между странами (коалициями), принадлежащими к различным цивилизациям. Достаточно сказать, что вторая мировая война велась между странами различной культуры ведения войны – российской (советской) и западной (в том числе германской).

¹ Под полемологией понимается комплексная междисциплинарная наука о войне, военных конфликтах и других формах коллективной агрессивности. По своему характеру полемология относится к постклассическим наукам. Кроме чисто военных к предмету полемологии относятся общесоциологические, геополитические, социально-психологические, социокультурологические и другие параметры войны. Исследование войн и военных конфликтов ведется с привлечением методов общественных (социологии, экономики, политологии, психологии, военной истории и др.) и естественных (биологии, математики, ноофизики, ноокосмологии и др.) наук.

Таковы некоторые соображения по поводу содержания концепции безопасности, имея в виду ее генетическое (историческое) измерение. С ними связаны и некоторые ключевые уроки, извлеченные из военной истории. Можно полагать, что главный урок заключается, во-первых, в том, что необходимо проявлять сдержанность при определении интересов в преддверье возможного кризиса – конфликта – предвестника вероятной войны. Расширительное определение, связанное с угрозами, причем, если сами угрозы трактуются так широко, что к ним может быть отнесено почти всякое покушение на «статус-кво», может привести лишь к разочарованиям. Некоторые «поражения» являются всего лишь кажущимися, а отдельные неудачи – в высшей мере обратимыми и с учетом этого можно установить строгую иерархию возможных угроз и учитывать ее. Расширенное определение интересов, как свидетельствует история, приводит рано или поздно к серьезной утрате уверенности в собственных силах и порождает чувство отсутствия безопасности.

Во-вторых, необходимо проявлять взвешенность в оценках характера поведения противоположной стороны в тех или иных конфликтах. Невозможно заблокировать все попытки распространения ее влияния, и не все попытки такого рода в равной степени несут в себе угрозу.

Следует учитывать и такой урок – самой трудной и самой важной задачей является обеспечение поддержки внутри страны реализуемой государством концепции безопасности. В этом отношении история «рекомендует» прежде всего, чтобы правящие круги, лидеры ясно и терпеливо разъясняли народу цели и методы стратегии государства (для этого необходимо, чтобы таковая была). Необходимо «воспитывать» общественность страны таким образом, что она понимала и поддерживала политику, развивать у нее чувство уверенности в своих силах, понимала соотношение сил в мире, действующие в нем противоречия и тенденции.

Исторический опыт свидетельствует, что поддержка мер по укреплению безопасности внутри страны усиливалась тогда, когда исполнительная власть гиперболизировала (преувеличивала) угрозу и подчеркивала необходимость проявления бдительности. Попробуем извлечь из этого опыта урок: необходима специальная стратегия для развития сотрудничества исполнительной власти с законодательными органами, обеспечения поддержки внутри страны и организации на раннем этапе фронтального противодействия и изолирования группировок, систематически выступающих с враждебных позиций. Для этого, в свою очередь, требуется единство мнений, по крайней мере, в самих органах исполнительной власти. К сожалению, за последние годы никаких признаков подобной стратегии не наблюдается.

Теперь же попытаемся определить суть основных теоретических подходов к ситуациям «кризис-конфликт». В постулатном выражении это:

- императив геополитического положения объекта и субъекта;
- исторический опыт, который формировал политическое подсознание каждой стороны;
- философские ценности, которые либо формируют национальное мировоззрение, либо узакониваются правящими кругами;
- первостепенное значение личности, либо – теория и практика подчинения личности государству;
- политическая организация и политическая культура, определяющие то, как обсуждаются, принимаются и пересматриваются решения. Здесь возможны:

а) система открытого политического соперничества, подкрепленная независимыми средствами массовой информации и находящая выражение в тайном голосовании, свободных выборах и разделении власти на исполнительную, законодательную и судебную;

б) либо все эти формы власти монополизированы в руках закрытого и подчиненного строгому порядку руководства, которое само себя выбирает и увековечивает, осуществляя полную цензуру средств массовой информации, придавая особое значение тщательно продуманной политической и идеологической обработке народа;

- взаимосвязь духовного с политическим, влияющая на внутреннее содержание человеческой личности;
- экономическая организация – возможны варианты;

а) система, которая несмотря на несовершенство поощряет частную собственность, рискованные предприятия и стремление к получению прибыли, представляет благоприятные экономические возможности и поощряет личную инициативу;

б) либо вся экономическая деятельность направляется политическим руководством при централизации основных средств производства в руки государства и ограничивается свободная инициатива и частная собственность;

- в) либо сочетание (а) и (б) посредством определенного механизма;

– образ жизни, выражающий стремление личности к удовлетворению своих запросов. Он зависит от состояния общества. Это:

а) постоянно изменяющееся, сориентированное на потребителя, в высшей степени мобильное общество с несколько примитивной массовой культурой, которая подвержена различным зигзагам и часто искусственно воздействую. Такое общество имеет тенденцию к неожиданным переменам в настроениях при недостаточном, видимо, развитом чувстве гражданского долга. Это не позволяет государству официально предъявлять к личности слишком большие требования;

б) либо более строгое, во многом ограниченное и поставленное под определенный контроль существование людей в рамках управляемой сверху культуры, от которой граждане находят убежище в

более глубоких и, возможно, более тесных семейных и дружеских связях. Однако на жизнь всех граждан накладывают отпечаток требования официального патриотизма, а также военизация образования, осуществляемая даже на его начальных ступенях;

в) либо иные варианты:

– внешняя идеологическая притягательность;

– исторические циклы, через которые прошли страны на пути своего развития, достижения его наивысшей точки и упадка жизнеспособности и могущества;

– содержание понятия исторической победы, которое определенным образом влияет на определение ближайших и отдаленных целей...

Что же касается самого механизма разрешения кризисных ситуаций, то на наш взгляд, существуют по меньшей мере десять практических требований для урегулирования кризисов.

Первое: каждая из сторон должна обеспечить контроль на высшем уровне со стороны гражданских лиц за действиями в военной сфере, за приведением вооруженных сил в боевую готовность, развертыванием боевых сил и действиями на низших уровнях, а также за характером и временем проведения военных мероприятий.

Второе: передвижения вооруженных сил должны быть тщательно скоординированы с дипломатическими усилиями и служить частью общей стратегии прекращения кризиса, не доводя дело до войны.

Третье: темпы и интенсивность операций военного характера могут быть преднамеренно снижены с целью создать паузы для предоставления достаточного времени, чтобы обе стороны вошли в дипломатический контакт, а также имели время для оценки ситуаций, принятия решений, ответов на предложения и т.д.

Четвертое: передвижения вооруженных сил и угроза применения военной силы, направленные на демонстрацию решимости, обязательно должны соответствовать умеренным дипломатическим целям.

Пятое: следует избегать акций и угроз военного характера, создающих у противника впечатление, будто другая сторона готова прибегнуть к ширококомасштабным военным действиям и поэтому заставляющих противника принимать упреждающие меры.

Шестое: предпочтение следует отдавать не военному решению конфликта, а таким военно-дипломатическим и политическим шагам, которые свидетельствуют о стремлении вести переговоры относительно поисков выхода из данного кризиса и соответствуют именно этим целям.

Седьмое: следует прибегать к таким дипломатическим шагам и действиям военного характера, которые оставляли бы противнику выход из кризиса, совместимый с его коренными интересами.

Восьмое: аксиома – временной аспект в разнообразных его составляющих имеет доминирующее влияние.

Девятое: аксиома – профилактика вооруженного конфликта практически всегда дешевле и гуманнее.

Десятое: аксиома – вооруженный конфликт всегда имеет такие последствия, которые предсказать сложно либо почти не возможно.

Таковы некоторые соображения, возникшие в процессе осмысления важнейших положений концепции национальной безопасности через призму военно-исторического опыта России и его уроков. Как и любые соображения (рассуждения), высказанные здесь мысли, в том числе и фрагментарные, нуждаются в дальнейшем развитии, более строгом научном выражении. Но независимо от этого, одни из них относятся к фундаментальным положениям концепции безопасности, а другие – к прикладным. И те, и другие, как представляется, не могут быть отвергнуты.

ЛИТЕРАТУРА

1. АВПРИ. Ф. Канцелярия министра иностранных дел 1898. Д. 74. Л. 28–29
2. Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. I–VI. СПб., 1898
3. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. М., 1969–1978. Т. 5.
4. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960.
5. Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994.
6. Грулёв М.В. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911.
7. Камаровский Л.А. Вопрос о посредничестве и международном третейском суде на Гаагской конференции // Русская мысль. 1900. № 1.
8. Камаровский Л.А. Гаагская мирная конференция 1899 года. М., 1902.
9. Леер Г.А. Коренные вопросы (военные этюды). СПб., 1897.
10. Леер Г.А. Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории). СПб., 1894
11. Леер Г.А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны. СПб., 1869.
12. Маргенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. СПб., 1879.
13. Международные отношения 1870–1917 гг. Сборник документов. М., 1994.
14. Офицерский вопрос в XVII в. // Военный сборник. СПб. 1899. № 5.
15. Рыбаченок И.С. Россия и гаагская конференция по разоружению 1899 г. // Новая и новейшая история. 1996. №4.
16. Скугаревский А.П. О военной истории : наброски А. Скугаревского. СПб: ред. журн. «Воен. сб.», 1874.
17. Табурно И. Правда о войне. СПб. 1905.